

заменяют Турцию. Вот эти страны (в порядке убывания объема частного сектора): Индия, США, Бразилия, Китай, Япония, Индонезия, Южная Корея, Иран, Филиппины, Россия. В шести из них сектор частного высшего образования больше государственного. И если в первой десятке преобладают азиатские страны, то в следующей десятке — преимущественно латиноамериканские государства.

Это последнее наблюдение указывает на то, что уровень развития частного высшего образования зависит не только от страны, но и от региона. Впрочем, это тема для отдельного обсуждения. Данная статья показывает, что частное высшее образование распространено по всему миру, но при этом сосредоточено главным образом в странах с крупной системой высшего образования.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2019.97.10937>

Управление высшим образованием в арабском мире и случай Туниса

Аднан Эль-Амин

*Аднан Эль-Амин — профессор наук об образовании Университета Ливана, член Ливанской ассоциации исследований образования (LAES) и Арабской информационной сети по образованию (Shataa).
E-mail: elamine.adnan@gmail.com.*

Государственные вузы арабских стран долгое время терпели последствия феномена, который можно было бы назвать политической моделью управления. Модель основана на тотальной зависимости вузов от политического влияния на всех уровнях и даже в горизонтальном разрезе. Модель вызывает замедление мыслительных процессов, подрывает систему производства знаний и ограничивает роль вузов как проводников социальных изменений. Это господствующая модель для всего арабского мира, за исключением Туниса, который, кстати, также стал единственной страной, где «арабская весна» удалась и который продолжает двигаться по пути демократии и прогрессивных реформ, несмотря на некоторые помехи.

Политическая модель

Недавно в Бейруте вышел сборник, посвященный истории десяти государственных вузов арабских государств (старейших в своих странах) от момента их

основания и до 2016 года. Исторический анализ показывает, что в большинстве своем государственные вузы арабских стран перешли к политической модели управления в 1970-х годах, отказавшись от преобладавшей ранее наполеоновской модели. Наполеоновская модель — порождение французской системы, основанной Наполеоном Бонапартом (1769–1821) и подразумевающей централизованную (ориентированную на потребности государства) и светскую систему высшего образования, которая четко делится на профессиональные учебные заведения, академически ориентированные учебные заведения и — отдельно — исследовательские институты (которые тоже управляются централизованно).

В 1977 году президент Египта Анвар Садат издал закон, запретивший политическую деятельность в университетах. Руководствуясь этим законом, агенты служб безопасности стали устраивать контрольные пункты на входе в университетские здания и вмешиваться в университетское самоуправление. По сути, Садат возродил жесткие традиции эпохи правления Насера (1953–1970), хотя, как ни парадоксально, в экономической сфере он при этом проводил либеральную политику, а его внешняя политика характеризовалась повышением открытости Западу и Израилю. Для ослабления непрекращавшегося политического влияния в вузах идеологии насеризма Садат прибегал к помощи представителей консервативных исламистских сил — и среди преподавателей, и среди студентов. Его преемник Хосни Мубарак, находившийся у власти до 2011 года, использовал тот же подход. Следует отметить, что правозащитная организация Human Rights Watch многократно писала о нарушениях прав человека в египетских вузах, а приток иностранных студентов и преподавателей, приезжавших в государственные университеты Египта в рамках международного обмена, за время правления Мубарака снизился. Параллельно с этим после нефтяного кризиса 1973 года страны Персидского залива начали усиленно переманивать к себе египетскую профессуру. Чтобы иметь возможность «поставлять на экспорт» больше доцентов и профессоров, египетские вузы стали выдавать больше степеней PhD, что привело к академическому инбридингу. Впоследствии преподаватели, поработавшие и прожившие в консервативных странах Персидского залива, возвращались домой нуворишами и были чрезвычайно довольны текущим положением дел.

Во времена правления партии «Баас» в Сирии Дамасский университет оказался под пристальным контролем, под колпаком политической идеологии. Мало того что секретные службы заставили ученых «замолчать», ограничив их академическую свободу, преподавателям еще и приходилось использовать язык партии «Баас». Все началось в 1970-х годах, когда в Дамасском университете открылось отделение партии с дополнительными представительствами на различных факультетах. Законом от 1970 года профсоюз преподавателей (основанный в 1935 году как независимая структура)

был преобразован в «народную организацию», членами которой стали все служащие Министерства образования и Министерства высшего образования. Эта организация оказалась под крылом партии «Баас». Студенты же должны были вступать в Исполнительный комитет студенческого союза — подразделение Национального объединения сирийских студентов, тоже связанное с партией «Баас». Все это происходило в соответствии с законом «О предотвращении политической деятельности в университетах».

Ситуация в государственных университетах Ливии напоминала сирийскую, но при этом была еще более фантазмагоричной. Если в Сирии все опиралось на идеологию партии «Баас», то в Ливии источником трансформации послужила революционная идеология «Третьей мировой теории», описанная в «Зеленой книге» (1975) — программном труде Муаммара Каддафи, правившего с 1969 по 2011 год. В Ливии все началось в 1973 году с «культурной революции», когда Каддафи провозгласил «отмену всех действующих законов с целью очистить страну от извращенцев» и пообещал «покарать всех врагов Ливии». В стране работали «революционные комитеты», которые вместе со спецслужбами избавлялись от неугодных преподавателей, деканов и ректоров. Каддафи самолично приезжал в Университет Бенгази, чтобы подтолкнуть процесс, выступал с речами и организовывал марши против представителей оппозиции. По имеющимся данным, Каддафи также лично присутствовал на казни студентов, признанных «врагами народа», проводившейся прямо на главной университетской площади студентами — членами революционных комитетов. После смерти Каддафи в университетах начался обратный процесс: они стали избавляться от всех, кого подозревали в сотрудничестве с режимом Каддафи.

Аналогичные наблюдения относительно политизации системы управления вузами (с поправкой на местные особенности) можно сделать, анализируя историю Университета Саны (Йемен), Ливанского университета, Хартумского университета (Судан), Кувейтского университета и Иорданского университета. Если говорить о странах Персидского залива, то ярким примером политической — патерналистской — системы управления является основанный в 1986 году Университет имени султана Кабуса в Омане. Он находится под покровительством и контролем султана, в нем преобладают консервативные ценности, что препятствует развитию интеллектуальной свободы и создает условия для самоцензуры.

Тунис как исключение

История государственных университетов Туниса нетипична для региона. Они по-прежнему придерживаются наполеоновской модели. В отличие от сирийской «Баас», правящая партия Туниса (Конституционно-либеральная партия, также известная как «Дестур») не была идейной. Это была партия элит, которая, однако, пользовалась широкой народной поддержкой.

Во времена правления партии «Баас» в Сирии Дамасский университет оказался под пристальным контролем, под колпаком политической идеологии.

В нее входили представители различных интеллектуальных кругов, в том числе левацких. Так, например, во время правления президента Зина аль-Абидина Бен Али министром образования был один из представителей левого фланга партии — Мохамед Шарфи (1989–1994).

Различия между Тунисом и остальными странами региона настолько велики, что помогают понять, почему так называемая «арабская весна» привела к таким разным результатам в разных странах. Первое различие — в уровне интеллектуальной открытости. Университет Туниса, например, всегда ориентировался и продолжает ориентироваться на французскую систему высшего образования, на ее структуру, содержание и интеллектуальные ресурсы. Французские книги, пресса, телевидение и другие СМИ являются неотъемлемой частью тунисской культуры и университетской жизни, и даже Партия возрождения оказалась подвержена французскому влиянию. Второе различие связано с назначением ректоров. В 2011 году в Тунисе был принят закон, по которому должность ректора стала выборной, и он последовательно исполняется. В Египте в результате революции 2011 года тоже был принят аналогичный закон, но вскоре его отменили. Третье различие связано с традициями синдикализма. В 1967 году в Тунисе был создан профсоюз сотрудников высшего образования и науки, который затем вошел в Тунисскую партию труда, основанную в 1946 году, то есть еще до провозглашения независимости от Франции в 1956 году. В 1980-е годы профсоюз работников высшего образования стал набирать силу в ответ на происходивший в стране сдвиг в сторону экономического либерализма.

При политической модели управления университеты становятся агентствами социализации, которые готовят лояльную элиту, вооружая ее нужными фактами и готовыми ответами. Описываемый регион характеризуется высоким уровнем социального неравенства и напряженности, и в обществе идет тайная борьба противоречащих друг другу идеологий, которая в любой момент может привести к новому социальному взрыву.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2019.97.10938>

